

ЭРНСТ ЮНГЕР

НА САРАЦИНСКОЙ БАШНЕ

ТОТЕНБУРИ

МОСКВА 2023

УДК 82-94
ББК 87.3(4Гем)
Ю50

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого — Андрей Игнатъев.

Юнгер, Э.

Ю50 На сарацинской башне. — М.: Тотенбург, 2023. — 198 с.

ISBN 978-5-9216-2419-1

Книга Эрнста Юнгера «На сарацинской башне» посвящена первому путешествию писателя на остров Сардиния в мае 1954 г. В ту пору этот уголок Европы хранил еще немало архаических черт, и здесь Юнгер хотя бы на время обретает покой от современной цивилизации. Впоследствии писатель будет вспоминать, что «неплохо чувствовал себя на Сардинии, где еще знали, каким должен быть мужчина». Страницы книги буквально наполнены ярким светом южного солнца, брызгами волн, пением птиц, ароматом цветов, веселым смехом обитателей острова. Помимо этого, общение с местными жителями и наблюдения за природой часто становятся поводом для размышлений автора на самые разные темы, включая мировую историю, архитектуру, астрономию, педагогику, ботанику, палеонтологию, зоологию и психологию.

**УДК 82-94
ББК 87.3(4Гем)**

© Андрей Игнатъев,
перевод с немецкого, 2023

ISBN 978-5-9216-2419-1

© Издательство «Тотенбург», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	4
Чивитавеккья, 6 мая 1954 г.	18
Шладор, 7 мая 1954 г.....	22
Шладор, 8 мая 1954 г.....	35
Шладор, 9 мая 1954 г.....	55
Шладор, 10 мая 1954 г.....	59
Шладор, 11 мая 1954 г.....	61
Шладор, 12 мая 1954 г.....	72
Шладор, 13 мая 1954 г.....	78
Шладор, 14 мая 1954 г.....	81
Шладор, 15 мая 1954 г.....	84
Сардиния, 16 мая 1954 г.....	86
Шладор, 17 мая 1954 г.....	88
Шладор, 18 мая 1954 г.....	91
Шладор, 19 мая 1954 г.....	98
Шладор, 20 мая 1954 г.....	100
Шладор, 22 мая 1954 г.....	103
Шладор, 23 мая 1954 г.....	110
Шладор, 24 мая 1954 г.....	121
Шладор, 25 мая 1954 г.....	123
Шладор, 26 мая 1954 г.....	138
Шладор, 27 мая 1954 г.....	146
Шладор, 28 мая 1954 г.....	157
Шладор, 29 мая 1954 г.....	166
Шладор, 31 мая 1954 г.....	175
На борту, 1 июня 1954 г.	180
Лугано, 2 июня 1954 г.	189

Предисловие переводчика

Одной из сторон многогранной личности Эрнста Юнгера являлась его неутолимая страсть к путешествиям. За свою долгую жизнь писатель побывал в самых разных уголках земного шара, если не считать стран социалистического лагеря, куда ему путь был заказан как «реакционеру» и «певцу войны». Впечатления, полученные в ходе дальних странствий, нашли отражение в опубликованных дневниках писателя. Еще во время Второй мировой войны увидела свет его книга «Мюрдун» (1943), посвященная поездке в Норвегию в июле — августе 1935 г., предпринятой вместе с философом Хуго Фишером. А уже после войны, в 1947 г., выходит «Путешествие по Атлантике», где рассказывается о посещении Юнгером Бразилии, Сальвадора, Кабо-Верде и Канарских островов в 1936 г.

С начала 50-х практически ни один год не обходится у Юнгера без выезда за рубеж. Из дневников мы узнаем, что особенно писателя привлекают страны Средиземноморья, как своим климатом, так и обилием достопримечательностей и ролью в мировой истории: «Средиземное море — это вечная родина, древний очаг. При каждом посещении я отмечаю это все сильнее. Имеются ли в космосе также

средиземные моря?»¹ Литературовед и автор известной биографии Юнгера Гельмут Кизель пишет, что Юнгер полюбил Средиземноморье со времен своей научной командировки в Неаполь в 1925 г.² Но мне кажется, это произошло намного раньше, еще когда Юнгер восемнадцатилетним юношей совершил свой побег в Иностраннный легион. В повести «Африканские игры», носящей автобиографический характер, первое знакомство с этим морем описывается так: «Хотя звезды еще мерцали, уже чувствовалось приближение утра. Я открыл окно и поразился чудному мягкому ветерку: это было дыхание Средиземного моря, уже заявлявшего о себе. Внизу сияли многочисленные огни: они окаймляли маленькие острова и тянулись, подобно ниткам жемчуга, вдоль изогнутых очертаний бухт. Между ними поблескивали красные и зеленые сигналы плывущих по морю пароходов»³.

Книга «На сарацинской башне», чей перевод на русский язык вы держите в руках, обязана своим появлением именно этой пылкой любви ее автора к Средиземноморью. Она посвящена первой поездке Юнгера на остров Сардиния, состоявшейся в мае 1954 г. В отличие от упомянутых выше «Мюрдуна» и «Путешествия по Атлантике», от написания заметок, легших в основу книги, до выхода собственно

¹ Запись от 22 мая 1954 г.

² Kiesel, H. Ernst Jünger. Die Biographie. — P. 597.

³ Юнгер, Э. Африканские игры // [URL]: https://royallib.com/book/yunger_ernst/afrikanskie_igri.html (дата обращения: 20.12.22).

книги прошел всего один год. Отметим, что в дальнейшем писатель еще четыре раза посетит этот гостеприимный остров. Он неслучайно выбрал Сардинию местом для своего отдыха. В ту пору этот уголок Европы сохранил еще немало архаичных черт и имел зловещую репутацию «дикого» и «нецивилизованного» места, где царят бандиты наподобие легендарного Паскуале Тандедду, нищета и малярия. Но то, что отталкивает обычных туристов, для Юнгера, наоборот, становится притягательным моментом. Прибыв в гостиницу, он «к своему удовлетворению услышал о свечах»: в городке еще не было электричества, а редкие автомобили соперничали с гужевыми повозками. А еще здесь, как и в глубокую старину, пахали на волах, урожаем убирали серпом, женщины носили воду из колодцев в кувшинах на голове, а пастухи и вовсе обитали в полупервобытных хижинах и гротах. Зато местные жители оказались очень радушными, доброжелательными и веселыми. Разнообразные праздники по любому поводу здесь отмечались чуть ли не каждый день. «Частью этой пастушеской жизни и ее культуры, я не хотел бы об этом забывать, является искрометная веселость. Если я не считаю вместе с Руссо, что человек от природы добр, то я все же считаю, что он от природы весел. В пользу этого говорит, что хоть и не доброта, но, пожалуй, веселость возрастают, когда мы направляемся из центров цивилизации на ее окраины», —

замечает сам Юнгер⁴. За три недели, проведенные здесь, дневник не содержит упоминания ни об одном серьезном конфликте, если не считать произошедшего по поводу выставленного счета за проживание в гостинице, который, впрочем, вскоре благополучно разрешился. Приятным для Юнгера обстоятельством также являлось полное отсутствие здесь газет и радио, а из книг он взял из дома только сослуживший ему верную службу определитель птиц Европы⁵.

В то же время и в этот заповедник древностей на глазах проникает современная техническая цивилизация. Вот уже электрики тянут провода, на кухне стоят алюминиевые кастрюли, а ослика, вращающего водочерпальное колесо, хотят заменить насосом с мотором. В отличие от современных радикальных экологов Юнгер не призывает к восстанию против технизации и модернизации. Он с грустью осознает неизбежность подобных изменений⁶ и называет происходящее «болезнью, которой нельзя избежать»⁷, но ставит под сомнение, сделают ли эти изменения жителей острова счастливее⁸. Кроме того, по мнению писателя, архаика это не только давно ушедшее, это то, что постоянно живет в нас: «Неизменное пребывает в срединной точке, в сердце леса, и культуры вращаются вокруг него. В противопо-

⁴ Запись от 25 мая 1954 г.

⁵ Запись от 8 мая 1954 г.

⁶ Записи от 12, 29 и 30 мая 1954 г.

⁷ Запись от 28 мая 1954 г.

⁸ Запись от 12 мая 1954 г.

ложность этому великие средства разрушения находятся только на краю»⁹. И она всегда готова вернуться: «пастух когда-нибудь так же прогонит стадо и через наши города»¹⁰.

Подобную тягу к архаике Юнгер испытывал с ранней молодости. В школьные годы он с восторгом мечтал об Африке как о заповеднике дикой природы и первобытности. Юного романтика Эрнста очень огорчало вторжение на африканские земли западных держав и насаждаемое ими цивилизаторство. Как писатель впоследствии вспоминал в «Рискующем сердце»: «Изображения железных дорог, строящихся в Африке, или случайная газетная вырезка о том, что изобретена сыворотка против укуса мухи цеце, вызывали у меня ярость; подобные победы прогресса над силами природы погружали меня в глубокое уныние. Пусть затевают в Германии что хотят, пусть истребляют последних редких животных, пусть распахивают последние пустоши, пусть на каждой вершине строят подвесную проволочно-канатную дорогу, лишь бы Африку оставили в покое. Ибо должна же остаться в мире страна, где можно перемещаться и не наталкиваться на каждом шагу на каменную казарму или на запретительную вывеску, где еще можно быть господином самому себе и располагать всеми атрибутами беспредельной власти»¹¹.

⁹ Запись от 21 мая 1954 г.

¹⁰ Запись от 10 мая 1954 г.

¹¹ Юнгер, Э. Рискующее сердце. — СПб., 2010. — С. 124.

В то же время в пору своего активного участия в общественно-политической жизни и в 20-х — начале 30-х годов Юнгер положительно оценивал технику, видя в ней силу, способную положить конец буржуазно-мещанскому порядку. Такая позиция прежде всего нашла отражение в его знаменитом произведении «Рабочий» (*der Arbeiter*)¹², увидевшем свет в 1932 г. Однако впоследствии писатель изменит свою интерпретацию феномена техники, на которую отныне будет нападать с таким же пылом, с каким недавно защищал. По мнению Алена де Бенуа, маятниковые колебания, присущие юнгеровскому творчеству, являются не противоречиями, но сменяющимися друг друга попытками определить и постигнуть существенно важное¹³. Подобная тенденция проявится до Второй мировой войны уже в «Африканских играх» (1934), но по-настоящему начнет доминировать у Юнгера в послевоенный период, поскольку тогда стало очевидным: вместо того, чтобы положить конец господству буржуазии, техника только способствует его укреплению и распространению по всему земному шару. Свою аллергию на технику писатель демонстрирует в бесчисленных текстах. В одной из своих дневниковых записей он даже выскажется в том духе, что предпоч-

¹² В русском переводе: Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли / Пер. с нем. А. М. Михайловского. — М.: Наука, 2002.

¹³ de Benoist, A. La figure du Travailleur entre les dieux et les titans // Ernst Jünger entre les dieux et les titans. Le chesnay: Via Romana, 2020. — P. 88.

тет видеть на берегах великой африканской реки Конго крокодилов, бегемотов и даже каннибалов, а не электростанции¹⁴. Этим же духом проникнута и книга «На сарацинской башне». В изменении взгляда на технику явно не обошлось без влияния брата Юнгера Фридриха Георга, автора знаменитой работы «Совершенство техники»¹⁵, в которой тот показывает, что вместо разрешения проблем человека технизация обедняет духовную жизнь и приводит к разграблению ресурсов планеты.

В связи с этим обращает на себя внимание, что Эрнст Юнгер в «Сарацинской башне» высказывает беспокойство по поводу не только стирания культурной самобытности различных народов, но и обеднения природной среды. В частности, он пишет: «Сюда относится массовое уничтожение всех больших, прекрасных и благородных животных в нашу эпоху. Вершину этого ужаса представляет безжалостное преследование китов посредством самолетов, лучей радаров и плавающих фабрик. Чудо доисторических времен, игрушки Бога перемалываются на минеральные удобрения, из них варят мыло. Совершенство оружия также превращает охоту в механический акт, в чистую ликвидацию»¹⁶. Подобные заявления дают основание Гельмуту Ки-

¹⁴ Запись от 23 октября 1966 г.

¹⁵ В русском переводе: Юнгер, Ф. Г. Совершенство техники. Машина и собственность. — СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2002.

¹⁶ Запись от 22 мая 1954 г.

зелю называть писателя предшественником экологического движения¹⁷.

В происходящем Юнгер прямо обвиняет современную науку, «которая носит смертоносные черты» (22 мая). Помимо этого, он достаточно скептически относится к способности науки представить полноценную и устойчивую картину мира. По его замечанию, те научные теории, которые какое-то время были в моде, затем становились объектом презрения¹⁸. Юнгер, в 20-е годы учившийся на зоолога, пишет, что нынешняя зоология «ущербна»¹⁹, гипотезу Канта-Лапласа называет «бесмыслицей», замечая, что любой феллах яснее понимал природу солнца, чем астрономы²⁰.

Ведя свой дневник пребывания на острове, Юнгер не пропускает ни дня. Однако дневниковые записи значительно различаются по длине. Например, записи за 16 и 19 мая весьма кратки. В структуре записей нетрудно выделить две части. Первую составляют непосредственно путевые заметки, где писатель рассказывает о своем времяпровождении на острове, общении с местными жителями, наблюдениях за природой. Эти строки буквально наполнены ярким светом южного солнца, брызгами волн, пенением птиц, ароматом цветов, веселым смехом обитателей острова. Обращает на себя внимание, как легко

¹⁷ Kiesel, H. Op. cit. P. 614.

¹⁸ Запись от 25 мая 1954 г.

¹⁹ Запись от 17 мая 1954 г.

²⁰ Запись от 25 мая 1954 г.

Юнгер, до этого вполне сносно выучивший итальянский, завязывает отношения с сардинцами. Немало удовольствия доставляют ему и старинные руины, которыми так богат остров, в том числе и «сарацинская» башня, давшая название произведению и ставшая для писателя «стражем южной границы» его «духовной родины».

Вторая часть представляет собой размышления на самые разные темы, включая мировую историю, архитектуру, астрономию, педагогику, ботанику, палеонтологию, зоологию и психологию. Как правило, поводом к этим раздумьям становятся зачастую незначительные, на первый взгляд, события, описываемые в первой части. Так, беседа с молодым таможенником в гостинице побуждает Юнгера вспомнить свои школьные годы и поразмышлять о качестве школьного образования, а встреча со стариком, страдающим малярией, — задуматься о влиянии эпидемий на историю человечества. Эпизод с посещением руин старой турецкой крепости становится отправной точкой к критике современной архитектуры, а случайно увиденная на берегу моря гадюка вдохновляет Юнгера на написание небольшого эссе о символизме змеи в духовной культуре. Вид глиняных кирпичей, сохнувших на городской площади, подталкивает к совершению экскурсии в историю строительных технологий в древнем мире.

Также нередки в записях Юнгера и античные реминисценции. Так, в его записях появляются си-

биллы и улыбка авгура. При виде безымянного свинопаса писатель вспоминает Эвмея из «Одиссеи». Своего знакомого каменотеса Анжело он сравнивает с Зевсом, принявшим обличье мельника, а местных тучных быков — с быками Гелиоса.

Часто размышления Юнгера содержат звучные афоризмы, являющиеся настоящими жемчужинами мысли писателя. Например:

«не веревки, но паутина объединяет континент»²¹

«господство педантов всегда сменяется восстанием гениальных неудачников»²²;

«человек ничего так сильно не боится, как свободы, — и отсюда наплыв в основанные на насилии учреждения нашего времени»²³;

«когда мы открываемся, открывается мир»²⁴;

«каким бы сильным, возможно, ни становилось оружие — люди станут еще сильнее, и за ними последнее слово»²⁵;

«конец света — это самая беспроблемная вещь в мире, поскольку все проблемы будут разрешены не только в их сумме, но также в их связке»²⁶;

«мы шагаем по мосту условностей над бездной истории»²⁷;

²¹ Запись от 8 мая 1954 г.

²² Запись от 8 мая 1954 г.

²³ Запись от 8 мая 1954 г.

²⁴ Запись от 19 мая 1954 г.

²⁵ Запись от 25 мая 1954 г.

²⁶ Запись от 25 мая 1954 г.

²⁷ Запись от 27 мая 1954 г.

«когда колодцы иссякают, идут на реку. Там нет нужды верить, чудо предстает очевидным»²⁸;

«Средиземное море тем прекраснее, чем проще наслаждения и товарищи»²⁹;

«чем больше человек способен к ненависти, тем меньше — к поэзии»³⁰;

«мы как раз часто бываем забывчивыми, когда занимаемся важными вещами»³¹.

Знакомясь с дневником Юнгера, также отмечаешь три интересных момента. Во-первых, Сардинию он называет *Illador*, словом, заимствованным из каталанского языка, на котором оно означает «золотой остров». Во-вторых, писатель не указывает название того сардинского городка, где разворачивается действие его книги. В настоящее время известно, что речь идет о городке Вилласимиусе, расположенном в 50 км к востоку от столицы Кальяри. Этот населенный пункт давно превратился в центр туризма и со своими отелями, барами и ночными клубами совсем не похож на то местечко, которое в 1954 г. так полюбилось Юнгеру. В-третьих, Юнгер практически не описывает внешность людей, с которыми ему доводится встречаться, в лучшем случае ограничиваясь примерным или точным указанием возраста. Про хозяйку гостиницы синьору Бонариа, которая постоянно фигурирует в дневниковых записях, мы узнаем только то, что

²⁸ Запись от 28 мая 1954 г.

²⁹ Запись от 28 мая 1954 г.

³⁰ Запись от 28 мая 1954 г.

³¹ Запись от 30 мая 1954 г.

она, как и все местные жительницы, одета в черное³². Исключением здесь является эпизод с первым ужинам в гостинице, где Юнгер касается этнических черт внешности других постояльцев.

Впоследствии писатель, как уже было сказано, еще не раз будет приезжать на Сардинию. Второе путешествие последовало через год, в июне 1955 г., третье — в мае 1957 г.³³

Правда, эти поездки не были такими радостными. Когда Юнгер оказался на Сардинии в 1955 г., то за какой-то год жизнь небольшого городка, который ранее так полюбился Юнгеру, претерпела значительные изменения, описанные им в книге «Серпентара». Везде было электричество, в гостинице, где ранее сидели при свечах, уже стоял холодильник, а неоновые трубки всюду распространяли дневной свет. Само собой разумеется, что Юнгер, наслаждавшийся за год до этого жизнью, как в старые добрые времена, был от этого совсем не в восторге³⁴. Свои впечатления он выразил в «Серпентаре» в следующем абзаце:

«В жгучем свете я едва узнал место, как если бы волшебник коснулся его своей палочкой и расколдовал его. Я увидел трещины в стенах и подлое выражение лиц. Эта демифологизация мира, которую мы распространяем, внушает страх. Ее не

³² Запись от 7 мая 1954 г.

³³ Ibid. P. 597.

³⁴ Ibid. P. 613.

восполнить через господство над пространством, возможность быстро достичь отдаленных мест. Мы приходим и гасим божественный свет. Если мы достигнем Луны, что, кажется, не за горами, то этим мы погасим тайну, которая сохранялась, пока земные люди взирали на звезды. Мы превратим мерцающие дворцы Селены в минные поля и вскрышные отвалы для атомных отходов. Мы отважимся на эти великие поездки на берега нашего внутреннего величия»³⁵.

Третья поездка выдалась еще более неприятной: во время купания в море писателя ужалил ядовитый скат, так что после этого он несколько недель вынужден был провести в постели³⁶.

Впрочем, это не уменьшило любовь к Сардинии, так как Юнгер побывает здесь еще дважды: в сентябре 1957 г. и в 1958 г. Впоследствии в своих дневниках он будет достаточно часто вспоминать о проведенных на Сардинии днях, людях и природе этого острова. В частности, в дневниковой записи от 31 июля 1965 г. Юнгер напишет, что «неплохо чувствовал себя на Сардинии, где еще знали, каким должен быть мужчина»³⁷.

Надеюсь, что мой труд послужит расширению представлений отечественного читателя о творчестве и мировоззрении Эрнста Юнгера.

³⁵ Ibid.

³⁶ Ibid. P. 597.

³⁷ См. также записи от 23 мая, 1 июня, 11 декабря 1966 г., 2 января 1968 г., 1 сентября 1978 г.

Перевод сделан по изданию: Jünger, E. Am Sarazenenurm. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1955.

Свою книгу я хочу посвятить Валерии Исмиевой, поэтессе, переводчице и знатоку немецкой литературы, беседы с которой о наследии Юнгера постоянно служат мне источником вдохновения.

Андрей Игнатьев

ЛИТЕРАТУРА

Jünger, E. Am Sarazenenurm. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1955.

Юнгер, Ф. Г. Совершенство техники. Машина и собственность. — СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2002.

Юнгер, Э. Излучения (февраль 1941 — апрель 1945). — М.: Издательство «Владимир Даль», 2002.

Юнгер, Э. Семьдесят минут: дневники. 1965–1970. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2011.

Юнгер, Э. Семьдесят минут: дневники. 1970–1980. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

de Benoist, A. La figure du Travailleur entre les dieux et les titans // Ernst Jünger entre les dieux et les titans. Le Chesnay: Via Romana, 2020.

Kiesel, H. Ernst Jünger. Biographie. — München: Siedler Verlag, 2007.

Чивитавеккья³⁸, 6 мая 1954 г.

Крепость, воздвигнутая некогда Микеланджело³⁹, напоминает лежащую на песке игрушку титанов. На фоне серого неба в ее очертаниях ощущаешь нечто мрачное, могучее, вступившее в союз с разрушением, как на рисунках Пиранези⁴⁰. Тут и там строят и чинят. Рядом со стеной из желтой бурлящей воды поднимается медный шлем водолаза. В ведре ему опускают камни и строительный раствор. Новые постройки вырастают посреди старого беспорядка. И все же вскоре отовсюду открывается вид с морских утесов, на которых висит оборванное белье.

Снова придется учиться задорной игре с шоферами, официантами и носильщиками. Требуется быть, как заботливая акушерка, когда они дают сдачу на крупную купюру. Они наблюдают за клиентом, когда долго мнут банкноту за банкнотой, всегда готовые это прекратить, если заметят неодобрение. Здесь недоразумение не только может произойти,

³⁸ Чивитавеккья — город и морской порт к северо-западу от Рима.

³⁹ Буонарроти Микеланджело (1475–1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт, виднейший представитель Возрождения.

⁴⁰ Джованни Баттиста Пиранези (1720–1778) — итальянский археолог, архитектор и художник-гравёр. Рисовал вымышленные художественные объекты. Графические светотеневые контрасты поражают грандиозностью пространственных построений, светотеневыми контрастами (цикл «Виды Рима», 1748–1788).

но и можно быть уверенным в этом. Далее следует разговор о чаевых. Их невозможно оценить столь высоко, чтобы не последовало требование доплаты. На отказ от такого требования явно бы посмотрели как на профессиональную ошибку. При этом поучительным является ознакомление с позицией людей, знающих только торговлю, но не сделку на постоянной основе. При торговле руководствуются единичными случаями, а не положением о тарифах. С одной стороны, правда, это должно умножать анархию, но с другой — обладает тем преимуществом, что одиночка с его конкретной потребностью никогда не будет всецело подчинен абстракциям и фикциям государства. Он даже не позволит себя убедить, чтобы с ним расплатились бы горстью грязных бумажек. Проницательность возрастает чем ближе к Леванту, и поэтому торговля вещами, чьи качества трудно распознать, например коврами и лошадьми, достигает там своего мастерства.

Я погружаюсь в эти размышления, наслаждаясь *zuppa di pesce*⁴¹; этот суп насыщенного краснокоричневого цвета с атоллom из моллюсков, кусочков рыбы и ломтиков хлеба, над которым расстилается изысканная пульпа. Тотчас же приносят *caffè nero*⁴²; а затем я пойду на прогулку по берегу.

⁴¹ Рыбный суп (*um.*).

⁴² Черный кофе (*um.*).

Тучи проявили снисхождение и стали развешиваться только тогда, когда вечером я снова оказался на окраине города. Это было поблизости от кладбища⁴³. Я вошел на его территорию и отыскивал защиту там, где как раз была реставрирована часть склепов, скрытых за мраморными стенами с надписями позолотой. Я заметил при этом, что гробы были расставлены по полкам, расположены, как кровати в казарме. Среди них были еще обширные погребальные камеры — возможно, для тех, чьи семьи были слишком бедны, чтобы приобрести нужные плиты с надписями. Так десятилетиями покойники и остаются безымянными. Здесь, как и на всех романских кладбищах, царит удивительная пространственная экзотика. При этом усопший присутствует таким образом, что это кажется нам неприличным. Не только чувствуются его непревзойденные качества как семьянина и соотечественника, но также на камне видишь его фото. Перед многими именами постоянно горели лампадки, к которым из могил тянулись провода. Эта картина пробуждала скорее мысли не о вечности, но о чем-то в высшей степени преходящем, скажем, электрическом счетчике.

⁴³ Дневниковые записи свидетельствуют, что Юнгер очень любил посещать кладбища и делал это по возможности во всех местах, где он бывал, см., например, запись от 28 сентября 1977 г.

Ожидая, когда упадут последние капли, я прогуливался под аркадой, соединявшей склепы известных людей. Следы упадка были заметны здесь больше, чем снаружи, в блестящем мраморном саду у статуй были отбиты носы, на жемчужных венках и надписях лежала пыль. В таких местах можно восхищаться образами, возникшими из фантазии виртуозных камнерезов. Среди них мне бросилась в глаза мраморная глыба, из которой был вырублен большой якорь с цепью. Цепь свободно висела в воздухе, и ее звенья были выполнены с прорезями.

Illador⁴⁴,
7 мая 1954 г.

Утром меня разбудил звук корабельного колокола, и я выглянул через широкое окно: мы шли мимо скалистых берегов и выдвинутых вперед островов. Бухта Ольбии⁴⁵. Временами морские воды смешивались с напоминавшими болото поверхностями, на которых рыбаки в маленьких лодках собирали свой урожай ракушек. Большая хищная птица парила над еще блеклым, безоблачным горизонтом.

Так как мне не понравился берег, я сразу поднялся в ожидавший на набережной поезд и бесцельно проехал остров по его длине. Ладанник⁴⁶ стоял во всем великолепии, в виде высоких, пылающих белым кустов или низких зарослей, на которых блестяли красные цветки. Пролеска⁴⁷ высотой в человеческий рост серебрила поля; чем дальше мы ехали на юг, тем больше исчезали ее цветки и вместо них набухали зеленые завязи плодов. В такой же мере рас-

⁴⁴ Название, под которым в дневнике Юнгера фигурирует Сардиния. На каталанском языке это слово означает «золотой остров».

⁴⁵ Ольбия — прибрежный город на северо-востоке Сардинии.

⁴⁶ Ладанник (*Cistus*) — род многолетних кустарниковых или полукустарниковых растений семейства ладанниковые (*Cistaceae*).

⁴⁷ Пролеска — род невысоких многолетних луковичных растений семейства спаржевые (*Asparagaceae*). Цветки обычно синего цвета. Растение, как правило, цветет весной.

тет число изгородей из варварских фиг⁴⁸. Серебристо-зеленая полынь горная⁴⁹, каменно-зеленая рута с золотистыми кронами и свежий, хрупкий фенхель вплетаются в них, а еще фиолетовый व्यюнок, открывавший свои бесчисленные чашечки солнцу. Как это было приятно после сырой, бедной светом зимы в Швабских Альпах!

На лимонных деревьях цветки соседствовали с зелеными и желтыми плодами, фиги еще едва завязывали плоды, зато поспевали плоды на мушмуле германской⁵⁰. Виноград начинал цвести; на склонах гор уже желтело зерно. На мясистых листьях опунций⁵¹ появлялись почки, в то время как еще последние плоды угасали на темно-зеленых, металлических ветвях.

В крупных перелесках миндальные деревья были тяжело нагружены мелкими свалявшимися плодами. Семечко сейчас еще абсолютно прозрачно, позже обретает молочный цвет и, наконец, становится твердым; кожура окаменеваает. Между деревьями, которыми пестрят склоны, пышно разрослась трава с бесчисленными желтыми маргаритками или были посажены хлеба, перемежавшиеся грядками с горохом и бобами, чья ботва уже засыхала. В большей мере складывалось

⁴⁸ Варварская фи́га (другие названия — колючий инжир, инжир христиан) — плод кактуса опунция.

⁴⁹ Полынь горная — растение *Artemisia absinthium*.

⁵⁰ Мушмула германская — листопадное плодовое дерево *Mespilus germanica* из семейства розовые (*Rosales*).

⁵¹ Опунция индийская, также опунция инжирская — вид растений семейства кактусовые (*Cactaceae*), часто культивируемых ради съедобных плодов.

впечатление садовой, нежели полевой работы; достаточно слегка поцарапать землю, и она дарует изобилие. При такой поездке на юг, как и в глубине души, радостно видеть уход зимы и обновление мира.

В ручьях еще была вода; в низменностях эти ручьи питают обширные рисовые поля. Ручьи окаймлены зарослями тростника высотой с человеческой рост. Вокруг деревень и маленьких городков растут кипарисы; одиночные деревья украшают сады, а их группы — кладбища. Дома белые и невысокие, с выцветшими крышами, воздвигнутые из камня или из глиняных кирпичей. На пустоши можно увидеть круглые спальные хижины, в которых пастухи остаются на ночь. На крутых склонах маслины и миндальные деревья чередуются с пробковыми дубами⁵². Стволы со снятой корой в зеленой чаще резко выделяются красно-бурым цветом, как свежая темная корица.

Радует небольшое число автомобилей на основных улицах. На окольных и полевых дорогах можно увидеть всадников, это добрый знак. Они едут рысью на маленьких породистых лошадях на свои поля или переезжают на осликах за стадами. Одетые в темное женщины носят кувшины и другие грузы на голове. Перед хижинкой стоят две первобытные повозки на дисковых колесах, техническое ископаемое, оказавшееся в нашей эпохе. Неуклюжие колеса еще не снабжены шинами, но обиты тяжелы-

⁵² Пробковый дуб — дерево *Quercus suber*.

ми гвоздями, как можно увидеть на самых старых изображениях на могилах.

Временами, особенно в местности возле Макомера⁵³, из зарослей чертополоха и высокой травы выглядывают более или менее высокие кегли. Это нураги⁵⁴, крепостные башни доисторических жителей этого острова. Известно семь тысяч нураг. В других местах отвесные скалы испещрены отверстиями, которые на расстоянии напоминают работу земляных пчел⁵⁵ на глиняных берегах, но оказываются человеческими поселениями. При длительной поездке обретаешь некоторую тренировку, чтобы предсказать появление мест, которые столь изрыты.

Но я не собираюсь разделять время на поездку туда и поездку оттуда касательно этих мест, посетить которые мне горячо рекомендовал Армин [Молер]⁵⁶ и которые друг Бедекер в ближайшем издании своего путеводителя по Италии перечислит с особой тщательностью. Если хочешь отдохнуть и напитаться стихиями, то в какой-то момент это следует по возможности сделать. Это особенно ценно

⁵³ Макомер — город в западной части Сардинии.

⁵⁴ Нураги (итал. nuraghe, мн. ч. nuraghi) — каменные башни, строившиеся на острове Сардиния во второй половине II тыс. до н. э. — VIII в. до н. э. Всего на Сардинии найдено около 7000–8000 нурагов. В основном нураги встречаются в северо-западной и южно-центральной частях острова. Предназначение их остается неизвестным.

⁵⁵ Земляные пчелы — крупнейший род пчел, около 1500 видов, которые распространены почти по всему миру.

⁵⁶ Армин Молер (1920–2003) — швейцарский и немецкий публицист и историк, основной труд — «Консервативная революция в Гер-

для столь беспокойного времени. Поэтому я кладу в бумажник и мои рекомендательные письма.

К тому же я придерживаюсь мнения, что историю и праисторию такого острова можно узнать еще и другим способом, нежели научные исследования. На его горах, на его рифах и в озаренном солнцем, изобилующем ящерицами покое его долин в мельчайших частицах, в положении вне времени должно еще дремать то, что сложилось в узоры в ходе времени. Это должно быть заметно в ветре и волнах, в лицах людей, в их языке и мелодиях, в том, как дым из очага вьется над их родным местом.

То, что ушедшие эпохи совсем близки и подходят все ближе, — это один из неожиданных подарков, одно из успокаивающих наблюдений нашего настоящего. Старое и новое — два качества, две перспективы человека; старое никогда не покидает нас, и новое всегда было рядом. Даже в Вавилоне были уже новые города. Постоянно повторяются знамения, и продолжают великие тексты.

Проницательный и чудесный способ, при помощи которого мы сегодня открываем древнее прошлое, является следствием перемен в нашем ощущении времени. С ними исторический взор обретает сгущающуюся, заклинающую силу, возрастает в уплотнении. Это извлечение древнейшего человечества из его тени представляет собой одну из наших великолепных

мании, 1918–1932». В 1949–1953 гг. был секретарем у Эрнста Юнгера. Оказал значительное влияние на движение Новых правых.

пъес. Чем при этом являются находки и документы? Почему они начинают сегодня говорить там, где уже были всегда? Они играют для духа роль талисманов, и когда их касаются, словно лампы Алладина, открывается потрясающее зрелище того, что поднимается из кладовой тысячелетий.

Что из древностей острова особенно привлекает внимание, так это каменные нураги и бронзовые статуэтки, чья еще грубая обработка открывает все же большую глубину ума. Речь идет об отдельных фигурках и небольших группах, мать и сын, воин в шлеме и с копьем, жрец с жертвенными подношениями, богини-матери и лунные богини, пастухи, несущие овец, барки и быки, а значит, о мире простых форм, из чего можно сделать вывод, что население состояло из пастухов, рыбаков и земледельцев.

Это видишь в связи со значительными и имеющими большие последствия переменами, которые разыгрались в Средиземноморье в начале второго тысячелетия до н. э. В ту пору давно уже существовали исторические центры; иной день, который тысячу лет назад закончился в Вавилоне или Египте, нам известен в больших подробностях, чем что-то об этом народе, давно населявшем остров, прежде чем на него высадились финикийцы.

Но это не только тайна погибшего мира, занимающего и удивляющего нас подобно виду раковины, которую можно увидеть между двумя волнами. Мы ощущаем долгие времена царящего на острове

мира, замкнутой, счастливой жизни, мечтам о которой здесь предавались. И это одна из важных тем, занимавших умы с незапамятных времен.

* * *

К находкам, которые в Европе можно встретить все реже, принадлежит одно место, где нет электричества. И все же я, добравшись до южного конца железной дороги, достиг этого места на автобусе. Рессоры скрипели три часа по ухабистой горной дороге, с изгибов которой неожиданно открывались виды на море.

Я уже осведомился у водителя о названии *albergo*⁵⁷, и туда меня отвела стайка детей, несших мой багаж. Городок был озарен послеполуденным солнцем, стремительно проносились облака, дома частью были разрушены, а частью более или менее хорошо сохранились со своими стенами из гранита или глиняных кирпичей. На всех домах, даже на руинах можно было почитать надписи дезинфекционной команды, работавшей здесь ровно год назад, в мае 1953 г. Стада скота заполняли улицы, на чьих углах молча стояли группы мужчин, а посередине шагали одетые в черное женщины, неся на голове низкие корзины или большие бутылки.

Также одета в черное и хозяйка *albergo*, синьора Бонариа, у которой я снял комнату. Я спросил

⁵⁷ Гостиница (*um.*).

об освещении и, к своему удовлетворению, услышал о свечах. Естественно, расчетливость потребовала сделать при этом сообщении обеспокоенное лицо. Синьора попыталась меня утешить: рабочие уже тянут в городок провода, и через несколько месяцев *albergo* также будет подключен к электричеству. Вместе с этим, кроме электрического освещения, также придут радиовещание, кино и все маленькие, работающие на электричестве машины, чья близость вредит отдыху, прежде всего отдыху того, кто на протяжении всей своей жизни слишком долго читал. Уже мои родители безуспешно боролись против этого ночного порока.

Итак, мы договорились, и я могу распаковать свои вещи. Комната с голыми стенами, выложенными красной плиткой; взор падает на огражденный кирпичными стенами двор, где лежат камни и прочий хлам и в поисках съестного роется чудовищных размеров хряк. На кустах лимона можно увидеть цветки и плоды. За стенами в вечернем солнце сверкают крыши, одни белые и ровные, другие слегка скошенные и покрытые прокаленной черепицей. Макушки маслин и фиговых деревьев выглядывают из дворов, иногда через стену также тянется ветка опунции. Из одной из хлебопекарных печей валит белый дым. Он наполняет воздух благоуханием, присущим всем местам, где топят дро-

вами и травой маквиса⁵⁸. На всех островах Средиземного моря дым различается в зависимости от состава растительности, но все же он всегда отдает ладаном и наполняет волшебством воспоминания о жарких солнечных днях.

Горизонт закрыт горами, на которые поднимаются сады с миндалем и пшеничные поля вплоть до этой границы, где начинаются ущелья и дикая растительность, служащая пищей для стад овец и коз. Вот-вот солнце скроется за полоской холма, который мерцает обнаженным и не затуманенным никаким маревом. Холм венчает лишенная растительности и напоминающая башню кегля. Этот холм притягивает взор и не только взор. Поэтому я сразу же спросил хозяйку о его названии: он называется *Monte Sonno*, гора сна, это название, вызывающее приятные ощущения. Настали сумерки, и тут синьора сказала, что едят «с луной», время спускаться, тем более что оттуда поднимается шум, словно кого-то убили. Но это только знакомое крещендо⁵⁹ южного веселья.

Внизу в комнатах с голыми стенами, заставленных столами и стульями, сидят новые прометиды⁶⁰ этого места, электрики, а еще таможенник, во-

⁵⁸ Маквис — заросли вечнозеленых жестколистных и колючих кустарников, низкорослых деревьев и высоких трав в засушливых субтропических регионах.

⁵⁹ Крещендо (*ит.*) — музыкальный термин, обозначающий постоянное увеличение силы звука.

⁶⁰ Потомки Прометея (*греч.*). Юнгер не раз использовал это слово в своих дневниках. Например: «Прометиды велики только тогда, когда слепы» (запись от 11 сентября 1965 г.). См. также записи от 12 июля и

долаз со своей командой, поденщик, пастух и два сапожника. Синьора Бонариа уже рассказала им о комплименте, который я сделал ей до этого: что хорошо покушал у Бонариа и нечего бояться малярии. Уже Шопенгауэр⁶¹ предупреждал от нацеленных на имена шуток, так как людям, которые носят эти имена, такие шутки уже наверняка надоело слушать. Но здесь проявляется столь понятная связь, простой вывод *ex contrariis*⁶², что она обладает привлекательностью новизны; и я слышу благозвучно повторяющиеся разными исходами: Бонариа, Малярия.

А таможеннику, за чей стол я сажусь, кажется, не достаёт этого искусства комбинации, так как когда я сказал ему, что сардины, выполняющие на столе роль закуски, обязаны своим названием острову, он посмотрел на меня с недоверием. Простые люди видят в словах только значение, которым те обладают сами по себе, но не присущую им связь между собой. Они стоят *посередине*⁶³ вещей, о которых судят, насколько такое соответствует этому интересу. Отсюда они судят через прямой, но не комбинаторный вывод. Любому, кто все время удалялся в про-

10 сентября 1978 г. Прометей, как и прочие титаны, в мировоззрении Юнгера связывается с техническим прогрессом. «Прометей — сын Земли, он, правда, враг богов, но скорее как просветитель» (запись от 22 февраля 1974 г.).

⁶¹ Артур Шопенгауэр (1788–1860) — немецкий философ. В главном сочинении «Мир как воля и представление» сущность мира предстает у Шопенгауэра как неразумная воля, слепое бесцельное влечение к жизни. Учение Шопенгауэра оказало значительное влияние на Юнгера.

⁶² Из противоположного (*лат.*).

⁶³ В оригинале слово выделено курсивом.

тивоположном направлении — так, что он видит себя или как объект среди объектов, или знает все объекты оживленными, наполненными присущей им силой, — духовная обстановка внутри простого общества кажется располагающей к отдыху, в то время как себя он ощущает освобожденным на час от своей вечной тренировки. С другой стороны, своим собеседникам он покажется наполовину дураком, наполовину человеком, заслуживающим жалость. Он поглощен занятиями, которые не приносят никакого дохода, и задает вопросы о вещах, о которых никто не желает знать. Это закладывает основу для симпатии.

Впрочем, таможенник оказывается человеком, читавшим книги или по меньшей мере знающим их названия. Возможно, ему около 25 лет, и он представляет испанский тип, так как все многочисленные завоеватели острова оставили свои следы не только в архитектуре и языке, но также и в облике людей. Гости, которые сидят здесь в мерцании свечей, напоминают больше о противоположном африканском берегу, в их жилах течет арабская кровь. Физиономии желтоватые и мрачно глядящие или же смуглые, бодрые, подвижные на манер ящериц, иногда также с ярко выраженными и благородными чертами. У женщин с темными платками на голове этот элемент выступает еще отчетливее.

А как обстоят дела со следами финикийцев? Здесь наверняка имеются вплетения, чьи образцы не заметны даже для самого острого взора. Тем более

что дело дошло до повторяющихся и разделенных длительными промежутками времени контактов: сначала при самых ранних высадках этого уникального народа торговцев, затем в ходе карфагенской экспансии и, наконец, благодаря арабам, которые вызвали новый приток семитской крови. Тут остается только мотив, как при часто повторяющейся и затем забываемой мелодии. Подобным образом дело обстоит с римлянами, чье влияние в Средневековье было воспроизведено пизанцами и, наконец, современными итальянцами. И из смешения постоянно происходят особенности, как, например, еще и сегодня в Италии на улицах или на железной дороге можно увидеть головы римского типа.

Обратится ли наш взор однажды и на совсем древних людей, которые жили задолго до этого? Ведь не только наши измерения и розыски обретают утонченный характер, но одновременно и музыкальность в духовном постижении форм, которая словно через мелодии вызывает минувшее и делает его правдоподобным. Иногда в сутолоке вокзала или главной улицы наш взгляд среди бесчисленных лиц падает на одно, чьи черты нас поражают. Ребенок, старик, женщина средних лет прошла мимо, и со лба, из глаз, из своеобразия походки нас овеивает дрожью. Мы словно ощутили, что нечто изначальное, совсем раннее прошло мимо, из времен, когда не было ни народов, ни стран в нашем понимании.

Проявляется ли подобное также иногда среди нас, как из темных отверстий отвесной скалы? Как выходит, что почти у каждого есть склонность к охоте, к рыбной ловле, к открытому огню, к магическим заклинаниям? Мы живем древнейшим своим наследием. Когда мы отправляемся на отдых, то вступаем в эти области. Мы покидаем исторический мир, и неведомые предки празднуют в нас возвращение.

Конец ознакомительного фрагмента.